

В.В. Зубченко

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ
КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ ЗООМОРФНОГО ОБРАЗА «ВОЛК»
В БАСНЯХ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО И ИВАНА БАТРАКА

Рассмотрен язык басен советских сатириков Демьяна Бедного и Ивана Батрака. Отмечено, что в их баснях активно используются различные зооморфные образы, направленные на обличение общественных пороков современной авторам действительности, а также негативных свойств личности. Проанализирована контекстная семантика зооморфного образа «Волк», активно используемого в баснях Д. Бедного и наиболее частотного по сравнению с другими зоонимами в текстах И. Батрака. Установлены фольклорные истоки пейоративной оценочности этого зооморфного образа, в частности русские народные сказки о животных.

Ключевые слова: советская сатира, басня, Демьян Бедный, Иван Батрак, зооморфные образы, зооморфизм «Волк».

V.V. Zubchenko

NATIONAL-CULTURAL AND INDIVIDUAL AUTHOR'S SEMANTIC
COMPONENTS OF THE ZOOMORPHIC IMAGE "WOLF" IN THE FABLES
OF DEMYAN BEDNY AND IVAN BATRAK

The work is devoted to the study of the language of the fables of the Soviet satirists Demyan Bedny and Ivan Batrak. It is noted that in the fables of writers, various zoomorphic images are actively used, which contribute to exposing the social vices of modern reality to authors, as well as negative personality traits. The contextual semantics of the zoomorphic image "Wolf", actively used in the fables of D. Bedny and the most frequent in comparison with other zoonyms in the texts of I. Batrak, is considered. The folklore origins of the pejorative appraisal of this zoomorphic image, in particular, Russian folk tales about animals, have been established.

Keywords: Soviet satire, fable, Demyan Bedny, Ivan Batrak, zoomorphic images, zoomorphism "Wolf".

В богатейшей истории русской литературы советский период занимает особое место и нуждается во всестороннем освещении с позиций современных научных знаний, в том числе лингвистических.

Слом многовековых общественных устоев в 1917 г. в связи с революцией и задача построения социалистического строя обусловили необходимость творческого включения искусства (в особенности литературы) в процесс созидания общества

нового типа и формирования соответствующей строю идейно ориентированной и социально активной личности. Сатира участвовала в этом процессе особым, присущим ей образом: отрицая и высмеивая все, что мешало движению вперед.

Значимость острого и верно нацеленного сатирического слова высоко ценилась идеологами революционного движения. Так, А.В. Луначарский писал: «Смех всегда был огромной силы классовым оружи-

Зубченко Виолетта Вадимовна

аспирант кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, преподаватель кафедры русского языка Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков им. А.К. Серова. Сфера научных интересов: лингвистика текста, дискурсивные исследования, современные подходы к изучению контекста, стилистика. Автор 17 опубликованных научных работ.

E-mail: zubchenko.violetta@mail.ru

ем» [11, с. 185]. В.И. Ленин рекомендовал «Правде» уделять больше внимания Щедрина и Демьяну Бедному. В своем письме в редакцию газеты он заметил, что «без “гнева” писать о вредном – значит писать скучно» [10, с. 78]. Позднее, в 1959 г., Н.С. Хрущев в речи на Третьем съезде писателей СССР особо подчеркнул роль сатирических произведений: «Высмеивая те или иные пороки, пережитки и недостатки, сатира предупреждает людей от болезни <...>. Так что сатира и впредь должна быть на вооружении нашей партии и народа, разить все, что мешает нашему продвижению к коммунизму» [16, с. 221].

Следуя этим идеологическим установкам, советская сатира, как неотъемлемая часть литературы социалистического реализма, «на протяжении всей истории советской страны <...> играла большую роль в борьбе против того, что мешало формированию человека нового, социалистического общества» [14, с. 5]. Уже к началу 30-х годов советскими сатириками было написано множество басен, эпиграмм, памфлетов, фельетонов, рассказов, сатирических стихов и др., которые печатались в газете «Правда» и во многих других периодических изданиях. На успешное развитие сатирического направления в советской литературе указывал критик В. Бойчевский в статье «Пути советской сатиры», где, анализируя большой фактический материал, отмечал разнообразие

форм и стилей сатирических произведений. По его мнению, наибольший вклад в советскую литературу трех десятилетий XX в. внесли Д. Бедный, В. Маяковский, А. Безыменский, И. Батрак и некоторые другие авторы [7, с. 143–149].

Целью данной работы является изучение особенностей функционирования зооморфизмов, в частности традиционного зооморфизма «Волк», как сатирического средства в басенном творчестве двух ведущих баснописцев раннесоветского периода, Демьяна Бедного и Ивана Батрака.

Задачи исследования:

1) рассмотреть басенные тексты Д. Бедного в аспекте образной интерпретации в них традиционного зооморфизма «Волк»;

2) проанализировать контекстную семантику зооморфизма «Волк» в баснях И. Батрака;

3) выявить национально-культурные и индивидуально-авторские компоненты семантики зооморфного образа «Волк» в баснях Д. Бедного, И. Батрака.

Басня раннесоветского периода как объект исследования интересна уже тем, что, будучи одним из древнейших жанров литературы, она была взята на вооружение идеологами нового общества, ищущими простые по форме и доступные по содержанию художественные средства воздействия на малообразованную публику. Избранное предметом нашего исследования

Язык как феномен культуры

использование в литературе раннесоветского периода басенных зооморфизмов, восходящих к истокам как классической литературной античности, так и устного народного творчества, в значительной степени отражает ценностные ориентиры, морально-нравственные установки, идеологические требования изображаемой эпохи, а также художественные приоритеты авторов басен, в связи с чем их изучение представляется весьма *актуальным*.

Новизна исследования заключается в том, что зооморфные образы в баснях Д. Бедного, так же как и в баснях И. Батрака, до сих пор не становились объектом специального лингвистического исследования.

Сатира XX в., с одной стороны, следует канонам классической басни, а с другой – нарушает привычные для этого жанра рамки «эзопова языка», поскольку свободнее заимствует элементы других поэтических жанров и впервые выходит на государственную политическую арену, «став остро сатирическим жанром, но сохранив при этом способность к типологическому обобщению» [15, с. 61].

Д. Бедный в стихотворении «В защиту басни» утверждал классовую непримиримость своих басен по сравнению с баснями Крылова:

Крылов... Не мне снижать его талант огромный:

*Я – ученик его почтительный и скромный,
Но не восторженно слепой.*

Я шел иной, чем он, тропой.

*Отличный от него по родовому корню,
Скотов, которых он гонял на водопой,
Я отправлял на живодерню (IV, 283)¹.*

Определенный «классовый» вектор советской сатиры отражается уже в выборе литературных псевдонимов Демьяном Бедным (наст. имя – Ефим Придворов, 1883–1945) и Иваном Батраком (наст. имя – Иван Андреевич Козловский, 1892–1938), указывающих на принадлежность авторов к наиболее угнетенной социальной группе трудящихся. Но творчество этих литераторов сближают не только похожие псевдонимы. Д. Бедный, который начал печататься на страницах «Звезды» и «Правды» с 1910 г. и тогда уже обнаружил «огромный и яркий талант поэта-трибуна, пламенного агитатора рабочего класса, острого, язвительного сатирика, неустанного борца за дело трудящихся» [1, с. 4], воспринимался современниками как «советский Эзоп», наполнивший басню «новым содержанием», создавший «басню пролетарского стиля». Так высоко его творчество оценивает критик, подписавший лишь инициалом «Д.» свою статью под названием «О баснях Ивана Батрака». В той же статье И. Батрак рассматривается как баснописец, который во многом перенял манеру письма Д. Бедного, а также использовал его опыт «по созданию политической басни и басни-фельетона» [15, с. 62]. Сравнивая творческие манеры писателей, автор статьи отмечает, что И. Батраку стоит поучиться у Д. Бедного зоркости сатирика: «Батраку не хватает еще умения понять общественное явление в его диалектике, в его конкретном развитии». В то же время критик подчеркивает стремление И. Батрака к тому, чтобы влить в создаваемые им образы «определенное классовое содержание, чтобы они не были отвлеченными» [12, с. 3].

¹ Здесь и далее, если не указано иное, цитаты из произведений Д. Бедного приводятся по изданию: Бедный Д. Собр. соч. в 5 т. / сост., подг. текста А.А. Волкова; примеч. И.С. Эвентова. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. После каждой цитаты в скобках указаны номера тома и страниц.

Далее автор статьи указывает, что одним из средств художественной конкретизации сатирических образов в текстах И. Батрака служат традиционные для басен зооморфизмы, которые обличают в его произведениях такие отвлеченные отрицательные качества личности, как самолюбие («Свинья»), глупость («Осел»), лицемерие («Покровительство»), эгоизм («Вошь»), тщеславие («Ворона и мышь») и др. Следуя и в этом «за советским баснописцем Демьяном Бедным», И. Батрак в своих баснях «оперирует аллегорическими образами» [там же]. В его сатирическом арсенале использованы образы самых разнообразных животных: волка, лисы, медведя, зайца, осла и др. Однако они, по мнению автора статьи, не всегда точно классово ориентированы, вследствие чего басни поэта «теряют историческую конкретность, и их политическая функция ослабевает» [там же].

Как видим, в литературной критике 30-х гг. XX в. басенное творчество интересующих нас писателей рассматривалось как результат общекультурной и творческой преемственности, что дает основание для сопоставления текстов их басен в аспекте семантической актуализации зооморфных образов. В качестве рабочей гипотезы выдвигается следующее положение: традиционный для фольклорных и басенных текстов зооморфизм «Волк» используется в творчестве советских баснописцев Д. Бедного и И. Батрака как яркое сатирическое средство, исконная семантика которого интерпретируется в контекстах, отражающих новые исторические реалии.

Исследование проведено на материале 230 басен Д. Бедного и 58 басен И. Батрака. В текстах Д. Бедного обнаружены 53 басни с зооморфизмами, в которых выявлено 55 зооморфных образов,

в частности: волк (13 басен), лиса (9), собака (7), конь (6), медведь (5), змея (4), лошадь (4), муравей (4), муха (4), осел (4), лев (3), овца (3), свинья (3), заяц (2), паук (2); многие зооморфизмы используются единично: барс, бык, вьюн, дрозд, карась и др.

Зооморфный список И. Батрака включает 43 басни с зооморфизмами. Стоит отметить, что список зооморфных образов Ивана Батрака несколько богаче – 59 единиц, а именно: волк (9 басен), лиса (6), осел (6), собака (4), корова (3), лошадь (3), медведь (3), свинья (3), петух (3), баран (2), бык (2), вол (2), воробей (2), ворона (2), заяц (2), еж (2), клоп (2), конь (2), курица (2), лев (2), муравей (2), овца (2), теленок (2), хомяк (2); единично употребляются следующие зооморфизмы: бабочка, барс, гиена, дятел, ерш, змея и др.

Приведенные перечни разнообразны по составу и включают наименования как домашних, так и диких животных, многие из которых в своих производных переносных значениях вошли, по свидетельству толковых словарей, в языковой состав современного русского литературного языка в качестве метафорических характеристик человека по отличительному признаку, например: петух – задира, осел – упрямец, змея – злой, коварный человек, что свидетельствует о закреплённости образной семантики этих зоонимов в языковом сознании народа [9, с. 7, 11].

Обращает на себя внимание и тот факт, что наиболее востребованные зооморфизмы в баснях Д. Бедного, И. Батрака совпадают, например, волк, лиса, осел, собака, медведь, свинья. При этом первую позицию среди басенных зооморфизмов обоих писателей занимает образ волка. В баснях Д. Бедного он встречается 13 раз, в баснях И. Батрака – 9 раз.

Язык как феномен культуры

Е.В. Дерюгина в монографии «Репрезентация концептов с зооморфной номинацией в языковом сознании носителей русской лингвокультуры» дает такую характеристику волку: «Хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличающийся от собаки» [8, с. 64]. В качестве примера приводятся следующие контексты: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел», «Знать волка и в овечьей шкуре», «Кто веру имеет, что волк овцу пасет?», «Счастье, что волк: обманет, в лес уйдет», «Смотрит как волк на теля», «Несподручно волку с лисой промышлять, о силе и хитрости». Автор приходит к выводу, что образ волка у русского этноса ассоциируется с жестокостью, одиночеством, неудачей [11, с. 64–65].

Во фразеологическом словаре под редакцией Р.И. Яранцева приводится фразеологический оборот *волк в овечьей шкуре*, употребляемый, по мнению составителя, в живой, непринужденной, преимущественно устной речи и обозначающий «жестокость и злого человека, прикрывающего свои дурные намерения или действия видимостью добрых и мягких речей и поступков» [18, с. 445]. Выражение имеет библейское происхождение: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7:15). Известны такие его однословные синонимы, как «лицемер», «иезуит», «обманщик», «фарисей», «притворщик», «двурушник», «двуличный».

Что касается русского фольклора, то в образе волка в сказках о животных традиционно сочетаются такие черты, как злоба, хищность, жадность, глупость («Волк и семеро козлят», «Лисичка-сестричка и волк», «Волк-дурень», «Битый не битого везет» и др.). Рассмотрим контекстуальную семантику образа волка в текстах басен Д. Бедного и И. Батрака.

Исследователи отмечают, что большая часть басен Д. Бедного была написана им в предреволюционный период, когда поэту из цензурных соображений приходилось прибегать к иносказательной форме для того, чтобы «вести большевистскую агитацию» [17]. В своих баснях он живо откликался на самые важные события того времени, сведения о которых в большинстве случаев сегодня уже трудно восстановить. В связи с утратой привязки к конкретному историческому факту басенные тексты и использованные в них образы обретают более обобщенный аллегорический смысл. Это тем более верно, что поэт нередко прибегал к использованию басенных сюжетов Эзопа, выдавая злободневную сатиру за его переводы, особенно в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Сегодня эти басни сохраняют свою актуальность, поскольку поднимают «вечные проблемы» противоборства добра и зла.

Так, например, в басне «Хитрость» (1915) «хитрец-осел», притворившись умирающим от воспаления, вызванного занозой, «молил сквозь слезы» волка не есть его: «Я весь пропитан гнойным ядом», «из-под копыта хлещет гной», «ты б лег отравленный, с костями моими рядом». Он зывал к хищнику о помощи: «Друг, сделай милость, помоги! <...> О если б ты ее мне вынул из ноги!» Доверчивый, но глупый волк, поддавшийся на уговоры и принявшийся искать занозу под копытом («дай сюда копыто, что ли!..», «копыта наперед очистим от навозу»), получил сокрушительный удар копытом и «взвыл от лютой злобы», что «на смех дал [себя] ослу». Подводя итог басни, автор задается вопросом: порок ли хитрость, спасающая в трудных ситуациях? Злой «волк-мясник» оказался здесь посрамлен и наказан [5, с. 22–23].

Волк также поплатился за свою легковёрность в басне того же периода «Волк правитель». Отбившийся от стада баран попался на глаза голодному волку, и опасность этой встречи пробудила сообразительность в «бараньих мозгах». Он сказал, что «господина волка» ждут в деревне, чтобы «принять власть» над мужиками. Волк поверил барану и отправился в деревню, где собаки и мужики накинулись на серого так, что он еле спасся. Чуть живой волк в отчаянии восклицает: «И впрямь, начальства нет: весь люд перебесился <...> Да будь вы прокляты, чтоб я когда-нибудь деревней править согласился!» (I, 212–213).

Картина победы изощренной хитрости над глупой доверчивостью разворачивается и в басне «Лев, лиса и олень», также относящейся к «эзоповскому» циклу 1914–1916 гг. Лев приказал лисе привести ему на ужин оленя. Лиса решила обмануть жертву, пообещав ему титул «царя зверей», которого не достойны другие претенденты; «волк, дескать, лют, медведь – ленив, свинья – глупа, а тигр – хвастлив». Соблазнившись этим и поверив, что «пресекался львиный род, да здравствует олений», беспечный олень сам пришел в логово хищника (причем дважды), за что и поплатился. Зооморфный образ волка в этом тексте присутствует также в качестве символа лютости (I, 313–314).

Впрочем, как в мире зверей, так и в мире людей коварный и сильный не всегда побеждает беззащитного. В басне «Волк и овца» (1915) тяжело занемогший волк молит «святую, кроткую» овцу жалиться «в порыве сострадания над умирающим врагом» и помочь ему «доползти к реке». Он готов раскаяться в прежних своих прегрешениях: «Ах, знаю, я – злодей, и нет мне оправдания!» Овца не поверила хищнику и не позволила себя обмануть. В этой басне образ волка отличается такой не свойственной ему обычно чертой, как хитрость (I, 325).

Еще более этот зооморфный образ усложняется в басне «Волк и лев» (1915), где волк выступает в роли лживого моралиста и высокопарного оратора, обвиняющего царя зверей в грабеже, разбое и нарушении справедливости: «Так вот какой ты есть защитник угнетенных! Так вот изнанка какова твоих желаний затаенных! Вот как ты свято стал чужие чтить права!» Лев, усмехаясь, прерывает его лицемерные взывания к божьему суду и справедливому гневу: «В своих упреках ты, конечно, был бы прав, когда бы сам овцу добыл ты честно!» (I, 324).

В остроумной политической басне «Рыболовы» (1912) повествуется о том, как волк с лисицей вместе удiali рыбу и, увидев в реке карася, стали каждый уговаривать его клюнуть на свою приманку. Автор в нравоучение советует: «Карасик! Что тебе лукавый “рыболов”?! Не слушая его коварно-льстивых слов, себе, а не врагу в угоду, нырни поглубже в воду!» (I, 82). Известно, что в первоначальной редакции концовке басни предшествовали строки, позднее опущенные автором: «Поставим точку тут. Друзья меня поймут! На нашу жизнь и на свободу ярится не один проклятый рыболов!» По мнению современников поэта, басня была направлена против «меньшевиков-ликвидаторов, которые стремились свернуть рабочее движение с ленинского пути» и советовала революционерам перейти на нелегальные формы работы, против чего возражали меньшевики [17]. Образ серого хищника здесь символизирует одну из реакционных сил общества.

Особое место в творчестве Д. Бедно-го занимает поздняя басня «Волк-моралист», которая была написана в разгар Великой Отечественной войны и впервые опубликована в газете «Правда» в 1943 г. Основному тексту предшествует эпиграф: «Воздушные бомбардировки городов противоречат законам этики. (Заявление

Язык как феномен культуры

немецкого генерала авиации Кваде). Это лицемерное заявление фашистского захватчика объясняет аллегорию басни. Повзвизавшийся в деревню волк не щадил ни животных, ни людей: «свирепостью был обуян», «людям не давал покою», «охотился за детворою» (V, 142). Когда мужики решили его поймать и как следует проучить, он прикинулся жертвой и обвинил людей в отсутствии этики. В образе волка здесь изображен жестокий, коварный, безнравственный враг. Не только историческая победа СССР в войне с фашизмом, но и многие события сегодняшнего времени свидетельствуют о правоте автора басни: когда злодей получает достойный отпор, он вспоминает о гуманизме.

Таким образом, в басенном творчестве Д. Бедного собирательная контекстуальная семантика зооморфизма «волк» включает следующие разноплановые элементы смысла с преобладанием пейоративной оценочности: злой, глупый, хитрый, коварный, жадный, тщеславный, жестокий, безнравственный и вместе с тем простодушный, доверчивый.

Рассмотрим далее семантику зооморфного образа «Волк» в баснях И. Батрака, большая часть которых была написана в 1922–1932 гг. и посвящена проблемам укрепления советского строя.

В басне «Пастухи» (1926) образ волка символизирует хитрость и коварство врагов зарождающейся колхозной жизни. «Зверям трудненько стало жить», и волки «решились в колхоз отправиться служить: пасти его овец, свиней и поросятков». Там, «ставши под окном, завыли»: «Вашу животинку мы окружим и лаской, и теплом», «покажем вам диплом», «дайте только для почину». Од-

нако Фома не поверил в добрые намерения волков и не пустил их во двор: «За ваши прошлые грехи не то, что в пастухи, вам нужно бы давно... болтаться на осине». Возможно, имя осмотрительного крестьянина выбрано автором не случайно: оно вызывает ассоциации с библейским образом апостола Фомы, который не верил в Воскресение Христа, пока не убедился в этом воочию (Евангелие от Иоанна). Мораль басни призывает «подобных пастухов подалее гнать от стада» и верить «не разговорам, а делам» [2, с. 82–83]¹.

Еще более определенно, в агитационной манере, идея предпочтительности объединения трудовых аграриев выражена в басне «Вол и волк» (1932). Когда вол в одиночестве жил на хуторе, «на отшибе», «вдали от деревень и сел», и тяжело трудился, переносил «и зной и мглу, дожди, и слякоть, и мороз», его подкараулил «коварный волк». Злодей «напал исподтишка» и поранил волю бока, «попортил хвост и у виска кровавых вырвал два куса». Рабочий спас вола от неминуемой гибели. «Благоразумный вол» понял, «что надобно волам создать свою артель, не миновать иначе кабалы». Коллективный труд объединенных волов, руководимых «братом и вождем» рабочим, стал «и легче и дружнее». Однако волк не оставил свои коварные замыслы и пожаловал к ним в бараньей шкуре с просьбой записать в артель. Наученные горьким опытом, вола иносказательно ответили ему отказом: баранов и волков на рынке шкуры не в цене [4, с. 41–42].

История, рассказанная И. Батраком в басне «Еж и волк» (1926), напоминает сюжет басни Д. Бедного «Волк и овца»: голодному волку снова не удастся перехитрить свою жертву, на этот раз колючего

¹ Цитаты из басен И. Батрака приводятся по разным источникам по причине отсутствия единого издания произведений автора.

ежа. Тогда волк прикинулся ему другом: «беседу мирную с ежом заводит». Еж не попался на уловки коварного хищника: «Нет, милый, не взыщи! <...> Себя глупее поищи!» Басенный образ волка прирастает дополнительным смыслом хитреца-неудачника, а басня предупреждает о сохранении бдительности в общении с врагами новой колхозной жизни [там же, с. 11–12].

В басне «Селькор и волк» (1926) уже в самом названии зооморфизм «Волк» вводится в новый исторический контекст, изображающий «странную», по мнению автора, встречу серого хищника с сельским корреспондентом. Прикинувшись смиренным, волк сетует на свою горькую участь и льстиво намекает на общую с активистом судьбу: «Послушай, милый, <...> я еле не попал на вилы», «но если рассудить, то нам один конец: мне от железа, тебе же от обреза». Он пытается склонить селькора к преступному сговору: «не лучше ль нам поладить», «во всем твоя была бы половина», «жрать надо и тебе». В ответ селькор приглашает волка прогуляться до селенья, где надежные псы и строгие мужики давно ожидают его появления. Поняв, что у него с сельскими активистами «разные дороги», волк «назад скорей попер». Ни смирение, ни хитрость не помогли ему добраться до колхозных угодий [там же, с. 14–15].

В этой басне в качестве синонима к слову «волк» автор употребляет диалектизм «бирюк», который в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет значение «волк-одиночка» с пометой (обл.) [13, с. 48]. Синонимичный зооморфизм добавляет в семантику образа волка оценочный компонент обреченности врагов-одиночек в их преступном противостоянии сельскому трудовому коллективу.

Заметим, что не во всех сатирических текстах И. Батрака волк выступает в обра-

зе единоличного врага новой жизни. В одной из ранних басен автора под названием «Съезд» (1922) сатирически изображается произведенный волами государственный переворот, в результате которого «медведи, волки разбежались. А дряхлый лев, старинный царь зверей, погиб с охраною своей». Однако революционная победа трудящихся волов не приносит им всей полноты власти: льстивая лиса «поет эсером» им дифирамбы, а сама на съезде советов собирает лишь «одних баранов и ослов». Эти «представители народа» бездумно принимают единогласное решение и о том, чтобы подкрепить лису «курятинкой живой», и о необходимости «волка пригласить» на руководящую должность [3, с. 7–8].

Еще более масштабная картина содружества зверей, решивших жить «международным правом», представлена в басне «Лига зверей» (1926). Почувствовав «пацифистский зуд», самые разные звери, среди которых были «медведь, лисица, волк, петух, овца, да бык, да серый заяц», решили «заключить союз и дали клятву: не рвать сердечной дружбы уз». Волк первым нарушил эту клятву, заявив овце: «Мой на тебе тулуп!» Другие хищники поддержали серого разбойника: лиса свидетельствовала на суде в его защиту, а медведь «приказал содрать с овцы тулуп». Заяц понял, что «пойдут затем на блюдо: медведю – бык, лисе – петух». Изобразив волка представителем сильных мира сего, автор делает заключение: «Подлее ж дружбы нет, чем дружба у владык» [2, с. 77–79].

Некоторым сочувствием проникнут образ волка в басне «Козел и волк», имеющей подзаголовок «из Эзопа» (1931). Здесь волк проявляет сдержанность и терпимость по отношению к козлу, который, стоя на кровле и пользуясь своей недосягаемостью, злорадствует по поводу неу-

Язык как феномен культуры

дачной охоты хищника: «Уж он его честили и так и этак, его жену и деток...» На что волк многозначительно щелкнул зубами: «О, друг! Не ты меня бранишь, а место» [4, с. 33]. В народной мудрости содержится совет желающим не дразнить бессильного врага: «Не буди лихо, пока оно тихо!»

Таким образом, басенный образ волка в творчестве И. Батрака, наделенный традиционными характеристиками злобы, жадности, жестокости и коварства, символизирует как единоличного, так и коллективного врага советской власти и артельного труда, с которым нужно активно бороться, а не злорадствовать по поводу его временной слабости.

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Советская басня как сатирический жанр сохраняет традиции и основные жанровые особенности, присущие ей со времен Эзопа и Крылова: иносказательность, аллегорическую обобщенность образов и сюжетную линию.

2. По тематике басни Д. Бедного и И. Батрака, созданные в первой трети XX в., отличаются острой социально-классовой направленностью и нацелены на осмеяние общественных и личных пороков, препятствующих построению нового советского общества.

3. В текстах обоих баснописцев широко и творчески используются разнообразие зооморфизмы.

4. Зооморфный образ волка в баснях этих писателей сохраняет типичные для него характеристики злобного, жестокого, кровожадного и вместе с тем глупого, тщеславного персонажа народных сказок о животных, часто попадающего в трудные ситуации.

5. Вместе с тем в обобщенном зооморфном образе в изученных текстах появляются новые собственно басенные и индивидуально авторские элементы смысла, а именно: классовый враг, вредитель, противник коллективизации и колхозного строя, лживый моралист, жестокий фашист.

Литература

1. Асеев Н., Антокольский П. Демьян Бедный // Красная звезда. 1945. № 122. С. 4.
2. Батрак И. Избранное: стихи и басни. М.: Советский писатель, 1958. 95 с.
3. Батрак И. Обручи и клепки. Басни. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. 32 с.
4. Батрак И. По следам жизни. Басни. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1935. 61 с.
5. Бедный Д. Басни и сказки. М.: Правда, 1945. 56 с.
6. Бедный Д. Собр. соч. в 5 т. / сост., подг. текста А.А. Волкова; примеч. И.С. Эвентова. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954
7. Бойчевский В. Пути советской сатиры // Земля Советская. 1931. №1. С. 143–149.
8. Дерюгина Е.В. Репрезентация концептов с зооморфной номинацией в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: монография. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2011. 176 с.
9. Кондрашова О.В. Характеризующие существительные в современном русском языке (функционально-семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 16 с.
10. Ленин В.И. В редакцию газеты «Правда» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1970. С. 77–79.

11. Луначарский А.В. О сатире // Луначарский А.В. Собр. соч. Т. 8. М.: Художественная литература, 1967. С. 185–187.
12. О баснях Ивана Батрака // Литературная газета. 1931. № 29. С. 3–4.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006. 944 с.
14. Озмитель Е.К. Советская сатира. Семинарий. Пособие для студентов. М.; Л.: Просвещение, 1964. 260 с.
15. Русская басня XVIII–XIX веков / вступ. ст. Н.А. Степанова. Л.: Советский писатель, 1977. 654 с.
16. Третий съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1959. 272 с.
17. Фатов Н.Н. Демьян Бедный / Демьян Бедный [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demyan-bedny.ru/index.html> (дата обращения: 15.02.2021).
18. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык, 1997. 845 с.

References

1. Aseev N., Antokol'skij P. (1945) Dem'yān Bedny [Demyan Bedny]. *Krasnaya Zvezda*, no. 122. P. 4. (in Russian).
2. Batrak I. (1958) *Izbrannoe: stikhi i basni* [Selected Works: Poems and Fables]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publishing. 95 p. (in Russian).
3. Batrak I. (1926) *Obruch'i i klepki* [Hoops and Rivets]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya Publishing. 32 p. (in Russian).
4. Batrak I. (1935) *Po sledam zhizni. Basni* [In the Footsteps of Life. Fables.]. Moscow, State Publishing House of Fiction. 61 p. (in Russian).
5. Bedny D. (1945) *Basni i skazki* [Tales and Fables]. Moscow, Pravda Publishing. 56 p. (in Russian).
6. Bedny D. (1954) *Sobr. soch. v 5 t.* [Collected Works: In 5 Vols.]. Moscow, State Publishing House of Fiction. (in Russian).
7. Bojchevskij V. (1931) *Puti sovetskoj satiry* [The Paths of Soviet Satire]. *Soviet Land*, no. 1, pp. 143–149. (in Russian).
8. Deryugina E.V. (2011) *Reprezentatsiya kontseptov s zoomorfnoj nominatsiej v yazykovom soznanii nositelej russkoj lingvokul'tury: monografiya* [Representation of Concepts with a Zoomorphic Nomination in the Linguistic Consciousness of Speakers of Russian Linguoculture]. Krasnodar, Publishing House – South. 176 p. (in Russian).
9. Kondrashova O.V. (1985) *Kharakterizuyushchie sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke (funktsional'no-semanticheskij aspekt): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Characterizing Nouns in Modern Russian (Functional and Semantic Aspect): Extended Abstract of Ph.D. of Philological Sciences Tesis]. Leningrad. 16 p. (in Russian).
10. Lenin V.I. (1970) *V redaktsiyu gazety "Pravda"* [To the Editorial Office of the "Pravda" Newspaper]. In: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], vol. 48, Moscow, State Publishing House of Political Literature, pp. 77–79. (in Russian).
11. Lunacharskij A.V. (1967) *O satire* [On Satire]. In: Lunacharskij A.V. *Sobr. soch.* [Collected Works], vol. 8, Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publishing, pp. 185–187. (in Russian).

Язык как феномен культуры

12. (1931) O basnyakh Ivana Batraka [About the Fables of Ivan Batrak]. *Literaturnaya gazeta*, no. 29, pp. 3–4. (in Russian).
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2006) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd., dop.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions]. 4th Rev. Ed., Moscow, "A Temp" Publishing. 944 p. (in Russian).
14. Ozmitel' E.K. (1964) *Sovetskaya satira. Seminarij. Posobie dlya studentov* [Soviet Satire. Seminary. Textbook]. Moscow, Leningrad, Prosveshchenie. 260 p. (in Russian).
15. (1977) *Russkaya basnya XVIII–XIX vekov* [Russian Fable of the 18–19th Centuries]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publishing. 654 p. (in Russian).
16. (1959) *Tretij s'ezd pisatelej SSSR. Stenograficheskij otchet* [Third Congress of USSR Writers. Verbatim Record]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publishing. 272 p. (in Russian).
17. Fatov N.N. *Dem'yan Bednyj* [Demyan Bedny]. *Demyan Bedny – Website*. Available at: <http://www.demyan-bedny.ru/library/fatov-demyan-bedny.html> (Date of the Application: 15.02.2021). (in Russian).
18. Yarantsev R.I. (1997) *Russkaya frazeologiya. Slovar'-spravochnik: ok. 1500 frazeologizmov* [Russian Phraseology. A Reference Book: Approx. 1500 Phraseological Units]. Moscow, Publishing House "Russian Language". 845 p. (in Russian).